

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Любеева Виталия Сергеевича на тему «Шпионский роман-экшен в американской литературе середины XX – начала XXI веков», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (американская литература XX, XXI вв.)

Оценивая представленную к защите диссертацию Виталия Сергеевича Любеева, прежде всего укажу, что посвящена она достаточно непростой научной проблеме, хотя, на первый взгляд, можно предположить прямо противоположное. Материал современной массовой литературы с ее «плоским миром», ходульными героями и сюжетами, жестко организованной структурой произведений и т. п. оставляет литературоведу незначительное пространство для демонстрации профессиональных умений и навыков. Молодому исследователю трудно показать здесь филологическую / литературоведческую квалификацию в силу отсутствия главного – художественности. Впрочем, есть ракурс, который может послужить основанием для выбора подобного объекта, – это изучение литературной «симптоматики», т. е. определение тенденций в развитии литературного – шире культурного – сознания, смены существующих в нем идеологических и социокультурных парадигм на определенном этапе, воздействия внелитературных факторов. За последние полвека стало очевидно, что массовая литература представляет одну из форм «культурной индустрии» и развивается не столько по законам художественной словесности, сколько в соответствии с технологиями производства товаров массового спроса и в значительной степени ориентируется на определенный потребительский рынок и его бизнес-модели. Не случайно, по моему глубокому убеждению, с конца 1990-х годов изучение массовой литературы должно проходить не столько в русле выяснения соотношения литературы художественной и литературы массовой, сколько в рамках сконструированного интермедиального пространства, в котором книги для массового читателя оказываются на нижней полке потребительского стеллажа, а на самых престижных местах располагаются сериалы, фильмы и компьютерные игры. Последнее, однако, все еще не отменяет массовой литературы с ее, как мне уже приходилось писать, «непростой простотой», хотя не секрет, что основной источник заработка наиболее высокооплачиваемых американских писателей-«массовиков» не гонорары за книги, а суммы за продажу «смежных прав».

Думается, что сказанного выше достаточно, чтобы показать, насколько непростую задачу поставили перед собой автор диссертации и его научный

руководитель. Описание одной из жанровых разновидностей американской массовой литературы второй половины XX – начала XXI века как раз относится к числу тех научных сюжетов, обращение к которым в границах выстраивания общей картины развития литературы и культуры США последних десятилетий вполне оправдано. Более того, диссертант фактически вводит в научный оборот присутствовавшее до того по преимуществу в мире книгоиздательской рекламы понятие «роман-экшен» (в его конкретном случае – шпионский роман-экшен), дополняя тем самым устоявшийся набор, воспользуемся терминологией соискателя, «субжанров» (с. 7). Не стану спорить о правомерности подобных русско-английских комбинаций. Присутствие в терминологическом поле триллера, ромansa (как любовно-романтического романа), фэнтези или хоррора – достаточный аргумент в пользу подобного решения. Добавь к этому соискатель четко артикулированное определение введенного термина – и можно было бы говорить о его обоснованности, поскольку выделенные им характеристики повышенной динамичности действий героев, ускоренной смены событий и обстоятельств могут, на мой взгляд, рассматриваться не только как приметная черта экшен-разновидности шпионского романа, но и как тенденция, отличающая внутренние особенности массового романа в целом, подвергающегося отчетливому воздействию визуально-медийной среды.

Примечательно, что «простоту» материала в своей работе соискатель компенсирует повышенным вниманием к общим проблемам теории жанра и теории и истории шпионского романа. «В разные периоды развития и функционирования литературы как вторичной реальности по отношению к действительности, представление о жанре, его месте в художественном мире, колеблется от признания данного феномена основной художественной категорией до полного нивелирования» (с. 4), – пишет автор во Введении, явно претендуя на теоретическую значимость предлагаемого решения проблемы. Однако широкий интерес к масштабным вопросам литературной теории и истории имеет, увы, и свою оборотную сторону, поскольку требует не только знания обширного круга теоретико-литературных источников, но и способности к четким формулировкам, что В. С. Любееву удается не всегда. В результате в тексте возникают оксюморонные сочетания типа «“золотой” фонд американской “массовой” литературы» (с. 16), «“интеллектуальная” массовая литература» (с. 8, 189) и др.

В целом стремление понять и оформить теоретико-литературные контуры поставленной задачи заслуживают одобрения: автор действительно стремится соединить теорию и историю феномена на фоне компаративистски описанного историко-литературного контекста, что в конечном итоге ведет к выявлению истоков жанра и иллюстративных параллелей, прежде всего, в европейских

литературах. Но если в плане конкретных теоретических построений методологической основой для него оказывается концепция динамического развития английского шпионского романа, которая была сформулирована его научным руководителем М. В. Норцом (что в немалой степени обеспечивает методологическую убедительность жанрово-теоретических конструкций соискателя), то генезис и развитие жанра шпионского романа как отпочковавшейся от детектива ветви представлены им не самым широким кругом источников по литературоведческой американистике. Присутствие этого научного сюжета в общей структуре диссертации не вызывает сомнений и во многом свидетельствует о том, что автору «тесно» в материале исключительно массовой литературы. Сориентируйся он на подход, представленный в российской академической «Истории литературы США», или на аналогичное издание Кэмбриджского университета, ключевые работы ведущих российских американистов, эти страницы смотрелись бы куда выигрышней.

Увлечение теорией не самое плохое качество для молодого исследователя, хотя порой этот вектор движения делает путь к искомому результату более извилистым. Так, вопрос о генезисе шпионского романа мог быть решен проще, рассмотри автор данную жанровую разновидность сквозь призму судеб авантюрного романа как такового. Не будем забывать, что блистательный образ героини-шпионки вполне в духе «экшен» умело нарисовал еще А. Дюма в «Трех мушкетерах» (леди Винтер), а неоднократные поездки в Англию д'Артаньяна и его друзей в том же романе и его продолжении вполне могут претендовать на статус «шпионских миссий». Представление же о бульварном шпионском романе и его кинематографической производной в предвоенной России и Европе вполне наглядно отражает хорошо известное стихотворение О. Э. Мандельштама «Кинематограф» (опубл. в мае 1914), сюжетно передающее, по мнению авторитетного историка кино Н. Зоркой, содержание фильма братьев Пате «Шпионка». Кинематографический пример вполне уместен в генетических построениях применительно к началу 1910-х годов, поскольку первичность литературного текста по отношению к кинотексту в этот период не вызывает сомнений. Да и многочисленные скандалы реальной политической жизни Европы и России (от дела Дрейфуса до сплетен вокруг российского военного министра генерала В. А. Сухомлинова и самой императрицы) свидетельствуют об актуальности подобных тем.

Соответственно куда проще могла бы выстраиваться и жанровая схема: уравнивая «экшен» с более привычным и даже расхожим понятием «боевик», можно было бы тип романа-боевика со шпионом или тем, кто на шпионов

охотится и уничтожает, в качестве центрального персонажа квалифицировать как шпионский роман-боевик, поскольку и исторический роман-экшен, и политический роман-экшен, и полицейский роман-экшен, и даже бизнес-роман-экшен (он же экономический боевик) мало чем отличаются друг от друга, кроме профессии героя и интерьеров, в которых он пребывает. При этом все эти тексты характеризуются примерно равной степенью «реалистичности», условное правдоподобие которой соответствует параметрам узнаваемости и достоверности «плоского мира» масслита.

Подчеркнем, что здесь приобретает важное значение акцентируемая соискателем близость части характеристик шпионского романа-экшена и героического эпоса. Их генетическая связь очевидна, хотя и происходит не напрямую, а опосредованно – через общий массив авантюрной литературы и даже сказки, а герой современного масслита куда ближе Храброму портняжке, чем Ахиллесу или Гёнтзе. По крайней мере принцип «одним махом семерых ...» отличает сверхъестественные свойства героя и в шпионском боевике, и в эротическом романе.

Проработав большой массив англоязычных текстов, В. С. Любеев смог предложить достаточно обоснованную периодизацию американского шпионского романа-экшена: он четко увязывает ее с соответствующими политическими событиями, т. е. со второй мировой и «холодной войной», крахом биполярного мира, событиями 9/11. Примечательно и то, что опора на политическую составляющую авторов романов вовсе не делает их политическими боевиками, поскольку противостояние систем, хотя и является важным элементом авторского мировидения, не становится определяющим. Главное в романе-экшене – уникальная способность героя-одиночки успешно сражаться против всех (что, впрочем, не исключает и появления «волшебного» помощника или помощников). Пожалуй, именно усиливающееся «одиначество» героя представляется сюжетно-, жанро- и системообразующим фактором в эволюции американского шпионского романа-экшена. В условиях разрушения привычных схем противостояния политических сверхдержав, исчезновения традиционных врагов и противников герой должен выйти победителем в своей почти безнадежной борьбе с Организацией или Системой независимо от того, представлена она КГБ, китайской военщиной, южноамериканским наркокартелем или продажными американскими политиками.

В. С. Любеев достаточно квалифицированно отбирает произведения, которые должны наглядно представить развитие американского шпионского романа-экшена, и следует отметить, что выбор соискателя вполне убедителен. Это и «Связь через Зальцбург» Х. Маккинес, «Задание: Лунная девушка»

Э. Айронса, «Идентификация Борна» Р. Ладлэма, «Дьявольская сила» Д. Файндера, «Между Раем и Адом» Т. Белла, каждый из которых, по замыслу диссертанта, должен выступать как своего рода «модельный» вариант определенного периода. Некоторая формульность рассматриваемых текстов в конечном итоге приводит и к стандартной формулировке сопровождающего каждый из рассмотренных романов вывода. «На наш взгляд, осуществлённый анализ романа Хелен Маккинес “Связь через Зальцбург” по модели жанровой доминанты шпионского романа-экшена идентифицирует жанровую принадлежность романа – американский шпионский роман-экшен. Жанровая модификация шпионского романа-экшена подтверждается анализом конкретного шпионского романа-экшена Х. Маккинес. Полученная в теоретической части исследования жанровая структура шпионского романа-экшена содержит в своей структуре как “эпосные”, так и романские черты» (с. 82), – пишет он. Этот вывод с необходимыми уточнениями и, что немаловажно, с проекциями на последующие периоды позволяет составить исчерпывающее представление о характере самой жанровой разновидности и ее сюжетно-тематических разновидностях. Впрочем, типологизацию героев можно определить как системно открытую, позволяющую при желании внести ряд дополнений, в частности, применительно к героям Р. Ладлэма и Т. Белла это и момент персональной тайны в прошлом протагониста, его «невероятное» положение в обществе (Александр Хок из цикла Т. Белла не только сотрудник ЦРУ, но и английский лорд!), сериальный характер литературного замысла и т. д.

Важным для понимания внутренней формулы американского шпионского романа-экшена и его системных элементов является упоминание о романе-пародии Гривадия Горпожакса «Джин Грин – неприкасаемый» (с. 49). Речь идет о неизбежном для пародии «обнажении приема», что, в свою очередь, позволяет выявить структурообразующие компоненты жанра. В этом смысле продуктивным было бы обращение соискателя и к дилогии Тревейниана (псевдоним американского писателя и киноведа Р. У. Уайтекера) о докторе Джонатане Цикуте (Jonathan Hemlock), профессиональном киллере вымышленной американской секретной службы СШ, узнаваемой пародии на ЦРУ.

Выбранные соискателем романы представлены на фоне большого количества аналогичных произведений исследуемого жанра в четко обозначенном политическом, историческом, социокультурном и историко-литературном контексте, что позволяет согласиться и с теоретическими позициями рецензируемой диссертации, и с конкретными наблюдениями и

выводами о становлении и развитии жанровой разновидности шпионского романа-экшена в литературе США середины XX – начала XXI века.

Естественно, что рецензируемая работа не свободна от определенных недочетов, прежде всего укажу на то, что история литературоведческой рецепции американского шпионского романа, равно как и массовой литературы США в целом, содержит куда большее количество имен и начинается гораздо раньше. Это не только известные работы Т. Голенпольского и В. Шестакова, но и многочисленные публикации А. Мулярчика, Н. Анастасьева, А. Зверева, С. Белова и др., обзоры и рецензии в бюллетене «Современная художественная литература за рубежом», в журнале «Диапазон. Вестник иностранной литературы», в т. ч. и автора этого отзыва, рецензировавшего, в частности, последний из цикла романов Р. Ладлема о Борне (1993), и коллективная монография «Лики массовой литературы США» (1991). Конечно, основные имена российских американистов в диссертационной библиографии присутствуют, однако круг цитируемых источников мог бы быть куда шире. Кстати, в последние годы отечественное литературоведение довольно интенсивно разрабатывает «шпионскую проблематику» разнообразного свойства, и вдумчивый диалог В. С. Любеева с диссертациями Т. Н. Амиряна «Конспирологический детектив как жанр постмодернистской литературы» (2012), А. А. Благина «Английские шпионские романы как оружие идеологического противоборства» (2012) мог бы украсить текст работы.

На мой взгляд, в тех случаях, когда речь идет о романах, входящих в циклы или серии, было бы более продуктивно дополнить приведенный анализ разбором последующих произведений.

Не всегда автор корректен в определении хронологических рамок, что объясняется, по моему мнению, недостаточной внимательностью при чтении окончательного варианта текста.

Вряд ли можно согласиться с безоговорочным отнесением к писателям США канадки М. Миллар (с. 16), а к шпионской литературе – новеллы Э. А. По «Золотой жук» (с. 35), романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (с. 21).

Не свободна, к сожалению, работа от опечаток, стилистических погрешностей и неудачных формулировок, например: «На наш взгляд, наиболее ярким для данного временного промежутка является творчество Роберта Ладлема. За период с 1971 по 2001 год он стал автором двадцати семи шпионских романов, пять из которых были написаны после его смерти с использованием его имени в качестве запатентованной торговой марки» (с. 95).

Впрочем, высказанные замечания не снижают общего впечатления от представленной к защите диссертации.

Актуальность, научная новизна, методологическая обоснованность, практическая значимость диссертации В. С. Любеева не вызывают сомнений, научная концепция автора прошла достаточную апробацию в опубликованных им работах и в представленных на научных конференциях докладах и сообщениях.

Автореферат и публикации, в том числе 4 – в журналах, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий...», достаточно полно отражают основные положения и содержание диссертации.

Все вышеизложенное позволяет мне сделать вывод:

Диссертация Любеева Виталия Сергеевича на тему «Шпионский роман-экшен в американской литературе середины XX – начала XXI веков» является законченным, самостоятельным научно-квалификационным сочинением, в котором решена научная задача, имеющая важное значение для современного российского литературоведения, соответствует паспорту специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья и требованиям соответствующих пунктов раздела II Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор – Любеев Виталий Сергеевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (американская литература XX, XXI вв.).

25.07.2018

Официальный оппонент:

Осовский Олег Ефимович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской и зарубежной
литературы ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет им.
Н. П. Огарева»
e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru
Адрес: 430005, Саранск, ул. Большевикская,
68, МГУ им. Н. П. Огарева, филологический
факультет
Тел: (8 8342)270418

